

Верещигин Е. М. [Рец. на:] *Тахиаос А.-Э. Н.* Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян / Пер. с новогреч. иером. Дионисия (Шленова), иером. Леонтия (Козлова), игум. Тихона (Зайцева), С. Кима; под ред. иером. Дионисия (Шленова) и В. Л. Шленова. Сергиев Посад, 2005. 391 с. // Богословский вестник 2005–2006. Т. 5–6. № 5/6. С. 650–669.

РЕЦЕНЗИИ

АНТОНИЙ-ЭМИЛИЙ Н. ТАХИАОС. СВЯТЫЕ БРАТЬЯ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ, ПРОСВЕТИТЕЛИ СЛАВЯН / Перевод с новогреческого языка иером. Дионисия (Шленова), иером. Леонтия (Козлова), игум. Тихона (Зайцева), С. Кима. Под ред. иером. Дионисия (Шленова) и В. Л. Шленова. Сергиев Посад, 2005. 391 с.

Из года в год 24 мая, в День славянской письменности, в Успенском соборе Московского Кремля совершается патриаршая литургия, а затем на Славянской площади служится молебен. Народу собирается много, и, как всегда бывает в праздник, многие хотели бы побольше узнать-прочитать о празднуемом событии — например, о свв. равноапостольных Кирилле и Мефодии, которые в церковном календаре названы «учителями Словенскими».

Нельзя сказать, чтобы книготорговцы совсем ничего не предлагали на эту тему. Широкому читателю нужны популярные издания, и на лотках, да и в книжных магазинах они бывают представлены (даже двумя-тремя названиями).

Такова, к примеру, скромная брошюра «Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских» (М., 2002), представляющая собой фрагмент из «Житий святых» св. Димитрия Ростовского (1651—1709). Такова, далее, книга небольшого формата «Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветители славян» сочинения А. С. Князева; она вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1866 г., а сейчас печатается в новой орфографии (с похвальным прибавлением службы и акафиста равноапостольным братьям). Наконец, продолжает издаваться (с изменени-

ями) небольшое «историческое повествование» «Братья» писателя В. М. Воскобойникова, впервые опубликованное еще в 1979 г.

Научные издания — например, небольшая книга С. Б. Бернштейна «Константин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности» (первое издание: М., 1984) и отличная новая публикация Кирилло-Мефодиевских источников Б. Н. Флори («Сказания о начале славянской письменности»; первое издание: М., 1981) — найти трудно и они не вполне подходят для массовой аудитории.

Но популярные издания устарели, а научные для читателя-неспециалиста слишком сложны. Напрашивается печальное заключение: на книжном рынке, к сожалению, нет книги, которая могла бы доступно и достоверно рассказать заинтересованному человеку о просветительских трудах Кирилла и Мефодия.

Собственно, в последней фразе следовало бы употребить прошедшее время: теперь такая книга есть! После выхода в свет рецензируемого труда знаменитого греческого слависта Антония-Эмилия Н. Тахиаоса — в России его обычно именуют Антоном Николаевичем — отмеченная лакуна восполнена. Именно эта вполне для всех доступная, весьма информативная, исчерпывающая и дельно написанная книга опубликована теперь на русском языке. Далее для именованного этого труда мы будем использовать сокращение «СБ» (= «Святые братья»).

На обороте титульного листа русского издания «СБ» сказано, что книга рекомендована Учебным комитетом РПЦ для библиотек духовных учебных заведений. Если бы на обороте титула была помещена аннотация, то адресат можно было бы указать примерно так: «...для специалистов и всех, кто интересуется жизнью и трудами Кирилла и Мефодия». Думается, что «СБ» можно по праву рекомендовать для всех школьных библиотек России и русской диаспоры за рубежом и для библиотек иных образовательных учреждений.

Именно в качестве роскошного подарочного альбома «для

всех»¹ книга А.-Э. Н. Тахиаоса была издана в конце 1980-х гг.² Этот богатый альбом (большого формата, на мелованной бумаге, в матерчатом переплете) содержит множество высококачественных цветных иллюстраций, которые надолго удерживают пристальное внимание читателя. Если всего лишь просмотреть иллюстрации и прочесть обстоятельные подписи к ним, то уже накопится немалое знание.

Что же касается основного текста «СБ», то он, отражая современное состояние специальных научных исследований, изложен в расчете на читателя, не имеющего специальной подготовки. А.-Э. Н. Тахиаос начинает «с самого начала»: что представлял собой город Солунь-Фессалоники в начале IX в., в чем состояло византийское воспитание и образование детей, какое положение занимала семья святых братьев в обществе и так далее вплоть до восприятия Кирилло-Мефодиевского духовного наследства в православных славянских странах (в том числе на Руси, в России). Научный аппарат (например, в виде постраничных сносок) предусмотрен не был.

Надо, однако, сказать, что впоследствии А.-Э. Н. Тахиаос приступил к доработке и качественному преобразованию своей книги. В 1992 г. ученый издал в Фессалониках новый вариант своего труда на новогреческом языке уже как научную монографию, с разбивкой на 9 глав, с постраничными примечаниями и расширенной библиографической заметкой³. Иллюстрации, выполненные в черно-белом варианте, на сей раз отступили на вто-

¹ Этот альбом в торжественный день прилично преподнести, например, выпускнику средней школы.

² Она была опубликована в двух версиях — на новогреческом и на английском языках. Англ. версию см.: *Tachiaos A.-E. N. Cyril and Methodius of Thessalonica. The Acculturation of the Slavs / Translation: D. Whitehouse. Thessaloniki, 1989. 198 pp.*

³ *Ταχιάος Α.-Αίμ. Ν. Κύριλλος και Μεθόδιος. Οι θεμελιωτές της αρχαίας σλαβικής γραμματείας. Θεσσαλονίκη, Εκδοτικός οίκος αδελφών Κυριακίδη, 1992. 264 σ.*

рой план. Короче говоря, прибавив полноценный научный аппарат, Тахиаос теперь постарался учесть интересы специалистов — историков, филологов, философов, богословов. А в 2001 г. в Америке (в издательстве Свято-Владимирской семинарии) была опубликована еще более улучшенная английская версия⁴, в которой по сравнению с фессалоникийским изданием некоторые разделы были расширены, выполнено новое деление на главы⁵, а примечания вынесены в конец книги (р. 159—197).

Итак, жанр первоначальной книги А.-Э. Н. Тахиаоса как изменился, так и не изменился: с одной стороны, получив научный аппарат, она отныне адресуется (в том числе) читателю-специалисту; с другой стороны, манера основного изложения осталась прежней, общедоступной.

Именно эта расширенная версия «СБ» 2001 г. и предложена сейчас российскому читателю. Книга переводилась с новогреческого языка, при этом переводчики тщательно сверили свой текст с последним изданием на английском языке, наиболее полным. По содержанию перевод «СБ» отвечает критерию точности. В то же время переведенный текст читается легко (и нет таких признаков его иноязычного происхождения, которые заставляли бы спотыкаться). И, наконец, нельзя не отметить и того, что русский текст «СБ» отличается большей полнотой, поскольку А.-Э. Н. Тахиаос написал для него ряд дополнительных примечаний.

К тексту русской версии «СБ» с согласия А.-Э. Н. Тахиаоса были присовокуплены (в форме обширного приложения) Кирилло-Мефодиевские источники в классическом переводе знаменитого российского слависта Петра Алексеевича Лаврова (1856—1929). Эти источники, ни разу не переиздававшиеся после рево-

⁴ *Tachiaos A.-E. N. Cyril and Methodius of Thessalonica. The Acculturation of the Slavs.* Crestwood, NY, 2001. 206 p. Легко заметить, насколько название книги на английском языке отличается от названия на русском языке. Акценты смещены дважды, особенно в подзаголовке.

⁵ Была прибавлена еще одна глава «The Cult of Saints Cyril and Methodius»; в переводе: «Почитание святых Кирилла и Мефодия».

люции, имеют ценность как документы истории науки и в то же время представляют интерес для самого широкого читателя.

Полиграфически русское издание «СБ» исполнено вполне «на уровне». На передней стороне обложки помещена тонкого письма икона Кирилла и Мефодия⁶ из ризницы Свято-Троицкой лавры. Хотелось бы, наконец, обратить внимание на редкие фотоматериалы, которыми завершается книга. Здесь помещены (из архива Б. И. Царева) 11 уникальных фотоснимков, имеющие отношение к монастырю Полихний/Полихрон (?), в котором Мефодий и, быть может, Кирилл провели часть своей жизни, готовясь к культурно-просветительной миссии среди славянских народов.

Как же все-таки относиться к рассматриваемой сейчас книге — как к популярному, учебному или строго научному изданию?

Если иметь в виду первую установку, то следовало бы преимущественно говорить об эффективности изложения (доступности, интересности, цельности, запоминаемости, церковно-воспитательной ценности и т. д.).

Мы, однако, держимся второй установки и предполагаем полемически рассмотреть некоторые общезначимые научные проблемы, затронутые А.-Э. Н. Тахиаосом (причем, конечно, только в тех случаях, когда ученый, не ограничивая себя обобщением работ предшественников, занимает собственную позицию и несет за нее ответственность).

Предварительно, однако, нельзя не отметить, что приводимая в «СБ» информация свободна от многочисленных мифов, которыми наполнены указанные выше массовые брошюры. Книга написана объективно, без некритичной предзаданности и назидательности. Ее автор — горячий приверженец Кирилла и Мефодия, но он воздерживается от голословных и временами чрезмерных похвал-восклицаний, предпочитая спокойно сообщать факты.

Переходим к дискуссионной части.

⁶ Написана в XX в. Тип иконы — новый, невиданный.

В числе дискутируемых вопросов важное место занимает проблема: были солунские братья этническими греками или славянами? Проблема объективно сложна, к тому же еще отягощена политико-престижными обертонами.

С одной стороны, в латинских источниках (в *Зальцбургском меморандуме* [IX в.]⁷ и *Легенде Кристиана* [написана, по всей видимости, в конце X в.]⁸) о Мефодии сказано, казалось бы, совсем ясно: *graecus Methodius; natione graecus*. Тем не менее здесь не исключается двусмысленность: возможно, что имелись в виду конфессия или подданство первоучителя.

С другой стороны, в одном относительно раннем славянском источнике (в созданном как проложное сказание *Успении Кирилловом*, написанном, вероятно, в XIII в.)⁹ о Константине-Кирилле говорится: *рѣдомъ сынъ блъгаринъ*. Исследователи, однако, не без оснований подозревают, что перед нами общее место, тем более что источник в целом передает исторические факты неточно.

С точки зрения Тахиаоса, солунские братья — это его сонародники, т. е. греки. Уже в работе 1968 г.¹⁰ ученый доказывал, что если Мефодий, согласно его пространному житию (II:5)¹¹, получил от императора назначение *кнѣженнѣ държатн словѣнь*

⁷ Важный Кирилло-Мефодиевский источник имеет и другое название: *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* («Обращение [в христианство] баварцев и каринтийцев»).

⁸ Источник, составленный монахом Кристианом, содержит, среди прочего, и сведения о пребывании Кирилла и Мефодия в Великой Моравии.

⁹ Произведение сохранилось в семи списках, из которых старший восходит к XV в.

¹⁰ *Таχιάος Α.-Αίμ. Η ἔθνικότης Κυρίλλου καὶ Μεθοδίου...* Полные выходные данные статьи см. в «СБ» на с. 245.

¹¹ При цитировании житий Константина-Кирилла и Мефодия предпочитаем опираться на издание: *Constantinus et Methodius Thessalonicenses. Reconsuerunt et illustraverunt F. Grivec et F. Tomšič*. Zagreb, 1960. Оно хорошо тем, что в нем не только проставлены традиционные главы, но и предпринята разбивка на стихи, так что возможны точные ссылки. Житие Кирилла публикуется по рукописи XVII в. Хиландарского монастыря, а житие Мефодия — по Успенскому сборнику XII в.

ско, [...] да бзи проучила га въѣмъ обзичаемъ словѣньскы-
нмъ и обзикаъ га по малю¹², то первоучитель не может быть эт-
ническим славянином, ибо имплицитно, что славянских обыча-
ев он как раз и не знал. Затем исследователь еще раз доказывал
то же самое в статье 1973 г.¹³

В «СБ» Тахиаос ссылается на молчание источников относи-
тельно славянского происхождения братьев: по его словам, все
источники «свидетельствуют о том, что Константин и Мефо-
дий были детьми некоего достаточно знатного по происхождению
греческого друнгария»¹⁴; «ни в одном источнике не сообщается,
пусть даже косвенно, о том, что они были славянами, в то же
время об их греческом происхождении известно из древнейших
источников» (с. 32). Между тем, как упомянуто выше, на самом
деле хотя бы в одном источнике упоминание о славянстве Кири-
ла — есть. Тахиаос ссылается на Зальцбургский меморандум, но
интерпретация соответствующего фрагмента, как мы уже сказа-
ли, не однозначна.

Новым является, однако, аргумент исследователя, соглас-
но которому этническое происхождение якобы можно доказать
лингвистически. Ссылаясь на авторитет М. Альтбауэра¹⁵, Тахиа-
ос утверждает, что у того «на основании лингвистических данных
делается вывод, что Кирилл и Мефодий были греческого проис-
хождения» (с. 32, примеч.).

Между тем лингвистические данные могут быть показатель-

¹² Император «дал ему во владение славянское княжество», «чтобы он мог
изучить все обычаи славянские и мало-помалу с ними свыкнуться» («СБ».
С. 302 / Пер. П. А. Лаврова).

¹³ *Tachiaos A. L'origine de Cyrille et Méthode*. Полные выходные данные ста-
тьи см. в «СБ» на с. 247.

¹⁴ В русской версии не совсем ясно, что является предметом логического уда-
рения — знатность или этническая принадлежность. Между тем в английском
переводе книги сказано вполне отчетливо: братья были «sons of a Greek drun-
garius of noble birth» («сыновьями друнгария-грека благородного происхожде-
ния») (с.19).

¹⁵ *Altbauer M. Scs. locativus pluralis въ содомѣхъ // Slovo 9—10. 1960.*

ными лишь в том аспекте, насколько полно солунские братья владели греческим (или славянским) языком. Если в тексте устанавливается качество, именуемое *идиоматичностью* (о чем ниже), то действительно можно думать, что соответствующий язык является для пишущего родным, «природным», «материнским» (Muttersprache).

О существовании греческих текстов, вышедших из-под пера Кирилла и Мефодия, в источниках упоминается неоднократно, но до нас они, к сожалению, не дошли. Что же касается славянских текстов, восходящих к трудам первоучителей, то нам известны как выполненные ими переводы с греческого, так и оригинальные сочинения.

Лингвистический анализ этого материала дает основания полагать, что перед нами именно *идиоматичные* тексты.

Чтобы пояснить, что имеется в виду, рассмотрим показательный пример.

Греч. глагол *βάλλω* «бросать, метать» (лексикографическая дефиниция: «заставить переместиться по воздуху [или упасть] движением руки»¹⁶) имеет два семантически точных славянских соответствия — глаголы *кѣѣци* и *мѣѣгати*, которые, кстати сказать, представлены в современном русском языке, и с той же семантикой.

Ср. евангельские контексты с первым глаголом: *вѣзаша же камене да кѣѣгъть* (*ἵνα βάλωσιν*) *нань* (Ин. 8, 59; ЗМАО); *лице сѣхъ еси кожнн кѣѣзи еѣ ннзюу* (*βάλε σεαυτὸν κάτω*) (Мф. 4, 6; АСО). В последнем случае в Зографском евангелии есть вариант: *пѣѣгати еѣѣ*. Приставка при глаголе обычно уточняет направление движения, но основной семантики не изменяет: *н нзѣѣгъшоѣ* (*ἐξέβαλεν*) *н*¹⁷ *кѣѣнъ нзъ кнннграда* (Мк. 12, 8; МЗ).

¹⁶ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов // СПб., 2000. С. 98.

¹⁷ *н* — старое личное местоимение 3-го лица м. р. ед. ч. в вин. падеже, т. е. *н* = «его».

Ср. евангельские контексты со вторым глаголом (в том числе и приставочные): *раздѣлѣиже же ризы его меташа* (*ἔβαλον*) *жрѣбнѣ* (Лк. 23, 34; СО); *дрѣво посѣкаютъ и въз огонь въмѣтѣтѣ* (*βάλλεται*) (Лк. 3, 9; СО); *взмѣтѣтѣши* (*βάλλοντες*) *дрязи свои въз газофнакниж* (Лк. 21, 1; СО).

В некоторых случаях, однако, *βάλλω* передается не посредством *врѣщн* или *мѣтѣтн*, а посредством других глаголов. Так, в повествовании об исцелении гугнивого сказано: *и възложи* (*ἔβαλε*) *пръстъ въз оуши его* (Мк. 7, 33; СО); в эпизоде возвращения Иудой серебра имеем: *нѣсть доготно възложитн* (*βαλεῖν*) *его въз корбанж* (Мф. 27, 6; СО). В притче об иссохшей лозе повествуется, что ее собирают *и въз огонь възлагѣтѣ* (*βάλλουσι*; Ин. 15, 6; О). Ср., далее: *взньзн* (*βάλει*) *ножъ скон въз ножницѣж* (Ин. 18, 11; О); в Саввиной книге, однако, имеем вариант: *вззвратн*. Ср. также глагольное употребление с опорным словом *тьмьннца*: *взсидн* (*ἔβαλεν*) *и въз тьмьннцаж* (Мф. 18, 30; СО); *не оубо бѣ възсажденъ* (*βεβλημένος*) *въ тьмьннцаж ноанъ* (Ин. 3, 24; О); аналогично см.: Лк. 23, 19.25; Лк. 12, 58; Мф. 5, 25. Если опорное слово — *одръ*, то эквивалентом *βάλλω* может быть *лежатн*: *огабенъ жнлмн на одрѣ лежатъ* (*βεβλημένον*; Мф. 9, 2; ЗМАСО). Применительно к именованию сыпучих веществ на месте *βάλλω* встречаются переводы *нзззипатн* (соль; Мф. 5, 13, Лк. 14, 35) и *оззипатн* (гноем; Лк. 13, 8). Если же имеются в виду жидкости (вода, вино, миро), то *βάλλω* переводится как *взлнатн* или *вззлнатн*: *взлннѣ* (*βάλλει*) *кодъ въз оумзикальннцаж* (Ин. 13, 5; СО), *вззлннѣвшн* (*βαλοῦσα*) *ен миро се на тѣло мое* (Мф. 26, 12; СО).

На дальнейшее откажемся от выписок и скажем суммарно, что приставочные глаголы с корнем *βάλλω* имеют ряд разнообразных соответствий: *прошнкатнѣ* (о траве), *стѣзатнѣ* (о споре); *иннтнѣ* (на брань), *взлагатн* (в сердце), *прнложитн* (о притче), *одѣтн* (об одежде), *околожитн* (об осаде крепости), *оклебѣталн* (в притче о домоправителе), *нзгонѣтн* (бесов или

торгующих из храма), нзбѣтн (из виноградника), нѣтжкнѣтн (глаз), нзноситн (из сокровищницы), нходитн (афедроном) и другие.

Приведенный обширный материал показывает, что переводчики далеко не всегда опирались на греч. текст: иначе мы постоянно имели бы в качестве соответствия βάλλω смысловые эквиваленты вѣщн или мѣтатн. Если по сочетаемости греческой речи возможно «вбрасывать» воду в умывальник, а для славянина нужно ее «вливать», то переводчики, собственно говоря, действовали именно по законам славянской речи и, как бы не обращая внимания на оригинал, предпочитали «вливание» «вбрасыванию». Иначе говоря, в славянском языке ключевое слово вода требует после себя глагола вѣщитн, ключевое словъ соль — вѣщитн, ключевое слово ножъ — вѣщитн и т. д. (см. выше). Явление выбора зависимого слова с опорой на ключевое слово того языка, на который осуществляется перевод (т. е. независимо от языка оригинала), — это и есть феномен *идиоматичности* (самобытности языка).

Когда двуязычный человек плохо владеет вторым языком, то, переводя на него, он воспроизводит словосочетаемость родного языка. Если же переводчик переводит со второго языка на родной, то он всегда сохраняет сочетаемость родного языка. Мы ничего не знаем о том, как Кирилл и Мефодий писали по-гречески, но их переводы непреложно показывают, что славянским языком они владели «как родным», т. е. в совершенстве (или идиоматично).

Казалось бы, отсюда можно сделать вывод, что они и были славянами. Тем не менее между владением (литературным) языком и этнической принадлежностью неразрывной сопряженности нет: пушкинская Татьяна, «русская душой» и русская по рождению, «по-русски плохо знала» и «выражалася с трудом на языке своем родном»; зато по-французски она писала совершенно. Следовательно, будучи уверенными, что Кирилл и Мефодий в своих переводах дали нам образцы идиоматичной славянской речи, мы

в то же время на этом основании не вправе судить о народе, к которому они принадлежали по рождению и самосознанию.

Таким образом, вопреки Тахиаосу, доказать этническое происхождение Кирилла и Мефодия с помощью лингвистических методов анализа невозможно.

Впрочем, пишущий эти строки почти уверен, что первоучители были греками¹⁸, а если это так, то их служение не своему, а «чужому» народу — это действительно высокий нравственный подвиг.

Таково **первое замечание** лингвистической природы.

Второе замечание лингвиста касается т. н. *рушких писмен*, якобы виденных Кириллом в Крыму (где он сделал остановку, направляясь в Хазарию).

В житии Кирилла (VIII:15) сказано, что в Херсонесе Таврическом первоучитель нашел Евангелие и Псалтырь, *русьскыи писмень писано*, и быстро научился их читать. Исследователи долго гадали, что стоит за данным сообщением, и сам Тахиаос разбирает три гипотезы: во-первых, это были тексты на готском языке; во-вторых, славяне Крыма, будучи крещены, действительно изобрели для себя особое письмо и выполнили переводы; в-третьих, в протографе жития имела место метатеза (перестановка литер), и читать следует не *русьскыи* (*писмень*), а — *судьскыи*. Назвав всего три гипотезы, Тахиаос далеко не исчерпал литературу вопроса.

Ученый оказался приверженцем второй гипотезы, но с существенными модификациями. Он выступает с догадкой, которая в литературе вопроса до сих пор, как кажется, высказана не была¹⁹.

¹⁸ Сложное доказательство сейчас (из-за нехватки места) невозможно воспроизвести. См.: *Верещагин Е. М.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги: анализ тропарей IX песни канона Димитрию Солунскому // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 119—147.

¹⁹ Во всяком случае, она не упомянута в обзорной статье: *Костова К.* Рушкы писмена // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. III. София, 2003. С. 500—503.

По его мнению, пребывая еще на горе Олимп в Вифинии, солунские братья уже трудились над переводами с греческого на славянский и составили азбуку, которая находилась «в процессе постоянного усовершенствования» (с. 105). Тахиаос продолжает: «Отправляясь в хазарскую миссию, Кирилл мог взять с собой и бывшие у него недоработанные переводы Евангелия и Псалтири, поскольку знал, что в окрестностях Крыма ему может представиться удобный случай встретить людей из рода руссов [...]. Таким образом, достаточно легко и логично можно объяснить его встречу с человеком, говорившим по-русски, которому Кирилл поспешил *показать* перевод и попытался *научить* читать» (там же).

Таким образом, сообщение жития, согласно Тахиаосу, переводится: Кирилл не *нашел* письма, а *принес* их с собой; не *научился* читать от человека «глаголиця тою бѣшедоу», а, напротив, *обучил* его чтению. Откровенно говоря, слишком много допущений, идущих от т. н. здравого смысла (иначе сказать: спекуляций), а не от источников.

Между тем третья гипотеза о *сѣрьскѣхъ писменѣхъ*, покоящаяся на вполне допустимой конъектуре и исходящая из признания высокого статуса сирийского языка (что зафиксировано в славянской книжности)²⁰, представляется более убедительной, и консенсус большинства ученых состоит в том, что именно ее считают самой вероятной²¹.

Тем не менее интерпретация упоминания о *рушкихъ писмѣнахъ* продолжается, и проблему нельзя считать закрытой.

Третье замечание лингвиста касается трактовки Тахиаосом в «СБ» происхождения первой славянской азбуки — *глаголицы*.

²⁰ Гипотеза предложена А. Вайаном и развита Р. О. Якобсоном. См.: Vaillant A. Les «lettres russes» de la Vie de Constantin // *Révue des études slaves* 15. 1935; Jakobson R. O. Saint Constantin et la langue syriaque // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves* 7. 1939—1944.

²¹ *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 205.

Тема, к сожалению, изложена очень кратко — всего на двух страницах (с. 106, 107). В сознании людей Кирилл и Мефодий представлены прежде всего как изобретатели азбуки, но в «СБ» этому важнейшему эпизоду их деятельности почти не уделено внимания. Даже сводной таблицы, содержащей буквы глаголического алфавита, в книге не найти.

Упомянув о множестве попыток выяснить генезис глаголицы, ученый (несколько неожиданно) объявляет проблему окончательно закрытой. На с. 107 своей книги он пишет: «Выдающимся специалистом по русской палеографии Е. Э. Гранстрем была предложена теория, которая получила самое широкое научное признание и лишила смысла дальнейшее продолжение спора о происхождении глаголицы. Гранстрем доказала, что Кирилл, составляя славянскую азбуку, избирал для нее буквы из византийских криптографических алфавитов и из символов, употребляющихся в магии, алхимии и других областях знания, находившихся так или иначе в поле зрения византийцев». Откровенно говоря, Тахиаос объявил общепризнанной экстравагантную гипотезу, которая почти не нашла себе сторонников.

Между тем наибольший интерес вызывает, например, гипотеза личностного (творческого) изобретения азбуки Кириллом.

Ее в свое время (еще в 1949 г.) предложил Георгий (Юрий) Чернохвостов, работавший в Финляндии. Согласно Чернохвостову предположения ученых о том, что глаголица восходит к коптскому, арабскому, еврейскому, самаритянскому, финикийскому, древнеперсидскому, готскому, латинскому, армянскому, грузинскому алфавитам или к греческим минускулам, должны быть оставлены, потому что глаголица как совокупность начерков литер была *изобретена* (*ist erfunden worden*²²) славянскими первоучителями.

При этом исследователь показал, что начерки глаголических литер в общем и целом слагаются из трех христианских симво-

²² Чернохвостов писал по-немецки.

лов: креста (как символа Иисуса Христа: †, Ё, Ѓ, Δ; в сочетании с кругом: Ф, Р, Ь, Ѓ, У, -Ѓ), круга-кольца (как символа вечности) и треугольника (как символа Пресвятой Троицы. Круг и треугольник выступают в сочетании: У, Ю, Х, Ѓ, Ѓ, Т, А, Э, Э, Э, Э, Э, Ь, Ч, Р). Исключив три очевидных заимствования из греческого алфавита (Ф, Ш, Ѓ), Чернохостов по отношению к остальным литерам выступал бескомпромиссно (т. е. считал их изобретенными «на пустом месте»). В то же время он не отрицал зависимости трудов Кирилла от конкретного опыта других алфавитов (что отразилась в форме начерков литер).

Примерно так же думает известный исследователь глаголицы Петр Илчев²³, который, с одной стороны, показал оригинальность конструктивных принципов создания литер (вписывание их в воображаемый квадрат, распределение элементов по двум уровням в строке, дифференциальные и декоративные признаки литер и т. д.), с другой — отметил близость ряда глаголических букв как к греческому минускульному письму, так и к литерам других алфавитов.

Мы не настаиваем на правоте Чернохостова или Илчева. Мы выступаем против тезиса, согласно которому генезис глаголицы решен раз и навсегда. Напротив, именно сейчас предлагаются все новые и новые догадки.

Не следует полагать, что любые вторжения историка в область лингвистики оказываются неудачными. Напротив! В частности, большую симпатию вызывает тезис Тахиаоса о том, что заслуга первоучителей состоит не только в изобретении азбуки, но и в формировании славянского литературного языка, способного выразить всю христианскую культуру.

Ученый пишет, что Кирилл «не просто создал азбуку, но так преобразовал славянский язык, что он смог вместить в себя поня-

²³ Об этом см. в ст.: *Илчев П.* Глаголица // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I. София, 1985. С. 491—509. См. также интересную, хотя и спорную монографию: *Миронова Т. А.* Принципы эволюции графика-орфографических систем древнеславянского книжного наследия. М., 1999.

тийное богатство языка греческого. Это было нечто существенно более важное, чем всего лишь составление азбуки. Преображенный таким образом славянский язык послужил основой для создания совершенно самобытной и удивительно цельной славянской духовной культуры. Именно в этом и заключается суть всемирно исторической деятельности Кирилла и Мефодия» (с. 110). Сказано вполне точно.

Собственно, мы могли бы продолжить критические замечания лингвистического характера, но хотелось бы, не затягивая рецензии, вступить и в другую важную сферу — в область богословия. По нашему мнению, образ Кирилла как богослова в «СБ» мог бы быть значительно усилен.

Атрибут Кирилла — *Философ*, но это не значит, что он был приверженцем науки, ныне называемой (светской) философией. Когда, согласно Житию (IV:7—8), юношу Кирилла спросили, что *исць философна*, он ответил: *божѣньмь и чловѣчьскѣмь вѣщемь разѹмь, елико можеть чловѣкъ приближити се коуѣ*²⁴. Формулировка заимствована у Григория Назианзина, избранного Кириллом себе в наставники и руководители. Между тем Григорий²⁵ имеет в виду то качество, которое по-гречески именуется *ὑπερσοφία* и которое (в определенных контекстах) имеет славянским соответствием термин *прѣмѣдрость*. Стремящийся не к внешней *мудрости*, а к духовной *премудрости* хочет познать Бога, но на свои силы не полагается, а всецело надеется на помощь Божию. Стало быть, атрибут Кирилла, получавшего премудрость свыше, — в современных терминах — не *Философ*, а — *Богослов*²⁶.

²⁴ По Лаврову: «Познание Божеских вещей и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу» («СБ». С. 263).

²⁵ В слове 30-м («о богословии четвертом, о Боге Сыне втором») при лексеме *σοφία* дана дефиниция: *ἐπιστήμη θεῶν τε καὶ ἀνθρωπίνων πραγμάτων*. Ср. перевод: «ведение Божеских и человеческих дел» (Творения Григория Богослова, архиеп. Константинопольского. Т. I. ТСА, 1994. С. 442).

²⁶ См. подробнее: *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего обще-

Дошли ли до нас богословские воззрения Кирилла? Если считать аутентичным «Написание о правой вере»²⁷, то они известны нам даже в систематизированном виде²⁸. В разрозненном виде они известны нам, в частности, из пространных протоколов тех диспутов, которые Константин-Кирилл провел с Иоанном Грамматиком (глава V Пространного жития), агарянами (глава VI) и хазарскими иудеями (главы IX, X и XI). Как видим, собеседование с хазарами записано особенно подробно.

Что, однако, сообщается об этом собеседовании в «СБ»?

Приведем полную выписку: «Житие Кирилла подробно излагает многие подробности этих довольно пространных споров, впрочем, только богословского характера. Проводились они как бы в три этапа. Споры эти обнаруживают остроту и гибкость ума Кирилла, воспроизведение их в житии, несомненно, основано либо на его дневниковых записях, либо на отчете о деятельности миссии. Составитель жития особо указывает, что он предлагает всего лишь сокращенное изложение, а полный текст находился в писаниях Кирилла. Впоследствии Мефодием пространное изложение споров было переведено на славянский язык и разде-

славянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. С. 86—90.

²⁷ Источник имеет авторское надписание: *Написание о правѣи вѣрѣ, изъясненое константиномъ блаженнымъ филозофомъ, учителемъ о бѣзѣ словѣнскому жъздику*. Слав. текст см.: *Кув К. Иван Александрович* сборник от 1348 г. София, 1981. Л. 936—1016.

²⁸ Славянский текст, известный как «Написание о правой вере» Константина-Кирилла, представляет собой перевод исповедания веры св. Никифора Исповедника, патриарха Константинопольского (ок. 758—829). Сопоставительную греческо-славянскую публикацию источника см.: *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001. С. 17—42. К сожалению, «Написание» ни разу не упомянуто в «СБ». Исповедание св. Никифора в русском переводе см.: *Никифора, святого отца нашего, бывшего архиепископа Константинопольского, слово в защиту непопорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы покланяемся идолам // В кн.: Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского.* Минск, 2001. С. 141—148.

лено на восемь глав. Скорее всего, его задачей было составить вспомогательное пособие для ведения богословских споров с иудеями. Ни греческий оригинал, ни славянский его перевод до нас не дошли. В целом, в беседах Кирилла по большей части разбирались богословские воззрения иудеев и, значительно в меньшей степени, воззрения магометан. Дело в том, что хазарский каган уже перешел тогда в иудейскую веру и ввел ее в Хазарии в качестве государственной. Впрочем, несмотря на это каган проявлял редкую для тех времен веротерпимость и не оказывал никакого давления на людей, придерживавшихся иных убеждений» (с. 73—75).

Далее в «СБ» сказано: «Перед отъездом посланников каган вручил им письмо императору Михаилу III, где говорилось следующее: „Ты послал к нам, владыко, такого мужа, который показал нам (всю) христианскую веру и (догмат) Святой Троицы словом и делами. И мы познали, что это — вера истинная, и повелели, чтобы тот, кто хочет, крестился, надеясь, что и мы к тому же придем“. Слова эти свидетельствуют о вполне успешном завершении дел миссии и переговоров» (с. 75).

Информация — полезная, но все-таки узнать, что именно говорил Кирилл, например, относительно догмата о Пресвятой Троице, никак нельзя. Между тем в протоколах диспутов, прошедших в Хазарии, подробно приведены аргументы как иудейских книжников, так и самого Кирилла.

По нашим наблюдениям, всего были рассмотрены шесть важных богословских тем, а именно: 1) есть ли в Ветхом Завете упоминание о Троице? 2) может ли Бог вместиться в *утробу* человека? 3) может ли Бог переменить Свой завет? 4) есть ли разница между понятиями закона и завета? 5) время помазанного или время Христа? 6) есть ли разница между понятиями иконы и идола?

Что касается тактики Кирилла, то примечательно, что первоучитель ссылался только на Ветхий Завет (или *Танах*), — авторитет Нового Завета иудеи, естественно, не принимали. Кирилл

лу было важно отыскать предикации в поддержку христианской догматики именно у ветхозаветных авторов. И он, как ему казалось, их находил²⁹.

Диспуты свидетельствуют о том, что Кирилл, несомненно, знал библейский иврит.

Сейчас нет места воспроизводить аргументацию по всем пунктам, поэтому ограничимся рассмотрением одной только первой темы (а именно: упоминает ли Ветхий Завет о Троице)³⁰.

Иудеи, держась строгого монотеизма, толковали Танах в духе ригористичного единобожия. Кирилл, однако, отыскал в Танахе предикации, которые, по его мнению, подтверждали христианское учение о Пресвятой Троице и свидетельствовали (при всех оговорках о полном единстве Божества) все же о Его троичности.

Каган за трапезой — видимо, произнося бенедикцию над вином, — *кхзъмз чашѣ рече: пиамъ кх нме бога єдиногo, сятворшаго кхѣ тварь*. Кирилл подхватил слова кагана, но продолжил их в смысле тринитарности христианского Бога: *пїю кх*

²⁹ В протоколах диспутов в Хазарии приведено немало принадлежащих Кириллу ссылок на Танах: для подтверждения законности христианского Нового Завета он цитирует фрагменты из Бытия, Иеремии и Иезекииля; желая показать, что избранничество Израиля прекратилось и перешло на язычников, опирается (в порядке появления цитат) на Малахию, Исход, Исаию, Захарию и Бытие; пространно толкует повествования о сменяющихся царствах пророка Даниила и выводит из них вечность царства христианского; пророчества об Иисусе из Назарета как о Мессии усматривает у Исаии, Михея и Иеремии; утверждая, что потомство Иафета возобладает над потомством Сима, приводит фрагмент из Бытия; на Бытие же ссылается, рассуждая о дозволенности отложить обрезание; различие между идолом и иконой доказывает, имея в руках цитаты из Исхода, Второзакония и 2-й Книги Паралипоменон; о том, что по воплощении Христовом больше не может быть пророка, утверждает на основе пророчеств Даниила; на него же указывает, желая подтвердить свою чистоту от греха в том случае, если после его проповеди слушатели все же отвергнут крещение.

³⁰ Продолжение темы см.: *Верещагин Е. М. Церковнославянская книжность... С. 179—192.*

ИМЕ БОГА ЕДИННОГО И СЛОВЕСЕ ЕГО, СЪТВОРШАГО СЛОВОМЪ БОЮ ТВАРЬ, ИМЖЕ НЕБЕСА ОУТВЕРДИШЕ СЕ, И ЖИВОТВОРЕЩАГО ДОУХА, ИМЖЕ ВЪСА СИЛА НХЪ СТОИТЬ (IX:15). Кирилл говорил не от себя; он цитировал стих псалма (Пс. 32, 6³¹), и в этом стихе первоучитель пронизательно усмотрел упоминания о всех трех ипостасях Пресвятой Троицы (т. е. о Боге Отце, Боге Слове и Боге Духе).

Далее первоучитель, произведя компиляцию из двух стихов, сослался на пророка Исаию: рече бо неса: слоушанте мене, такъ-же израилю, егоже азъ зовоу. азъ есмь пръзвизн, азъ есмь въ вѣкзи, нзгна господь посла ме и доухъ его (IX:22; Ис. 48, 12.16). Первоучитель хочет сказать, что хотя Бог — един, все же возможно распознавание лиц-ипостасей, в частности, ипостаси Святого Духа.

К сожалению, в протоколе диспута не сказано, согласились ли хазарские *хахамим* (мудрецы) признать, что в приведенных выписках из Танаха действительно присутствуют намеки на троичность единого Божества.

Таким образом, остается пожалеть, что облик Кирилла как богослова в «СБ» представлен весьма скупо. Интерпретируя сакральные тексты, Кирилл проявил себя и как тонкий филолог.

Нам приходится указывать не только на то, что присутствует в «СБ», но и на то, чего в книге нет. Может быть, требовательность подобного рода неуместна? Однако она вытекает из закона жанра: если автор «СБ» желает дать *полное* (значит: всестороннее) представление о трудах солунских братьев, то он не может уклониться, например, от анализа такой немаловажной темы, как лингвистические принципы создания азбуки, или такого сверхважного аспекта деятельности первоучителей, как богословие.

В целом остается повторить сказанное ранее: книга А.-Э. Н. Тахиаоса «Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители сла-

³¹ Слобкомъ гднимъ небеса оутвердишаса, и дхъомъ оуцътъ сгъво вѣса сила нхъ.

вян» вкупе с приложенными источниками (в переводах, выполненных П. А. Лавровым) — это значительное и радостное событие в духовной жизни нашей страны.

*Доктор филологических наук Е. М. Верещагин,
институт русского языка РАН*

СОКРАЩЕНИЯ

- З — Зографское евангелие, XI в.
- М — Мариинское, XI в.
- А — Ассеманиево, XI в.
- О — Остромирово, XI в.
- С — Саввина книга, XI—XIII вв.